

11. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. – Т. 1. – М. : Педагогика, 1983. – 392 с.
12. Алефиренко, Н. Ф. Дискурсивно-модусный концепт как источник фраземосемиозиса / Н. Ф. Алефиренко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: научный журнал; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2016. № 3. – С. 7–12.
13. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева ; под ред. И. Б. Ханиной. – М. : Наука : Смысл, 1999. – 349 с.
14. Петухов, В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления / В. В. Петухов // Вестник Московского ун-та. Серия 14. Психология, 1984. – № 4. – С. 13–20.
15. Симонов, П. В. Эмоциональный мозг / П. В. Симонов. – М. : Наука, 1981. – 216 с.
16. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 446 с.
17. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики : учеб. пособие / В. Ф. Петренко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 400 с.
18. Келли, Дж. А. Теория личности: Психология личностных конструктов / Джордж А. Келли; пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеева. – СПб. : «Речь», 2000. – 248 с.
19. Серкин, В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики : учеб. пособие / В. П. Серкин. – М. : Изд-во «Пчела», 2008. – 382 с.
20. Alefirenko, N. Metaphorical Discourse / N. Alefirenko, M. Nurtazina // Cuadernos de Rusística Española. – Granada : Universidad de Granada, 2018. – Vol. 14. – P. 15–28.
21. Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Минск : Республиканский институт высшей школы, 2011. – 194 с.

Abstract. The article considers the cognitive mechanisms of phrasemosemiosis, which is understood as a speech-thinking process that controls the appearance and functioning of signs of an indirectly derived nomination. The nature of the indirectly derived nomination is predetermined by the conjunction of associative-figurative and discursive thinking, which triggers the mechanisms of linguocreative phrasemosemiosis. It is proved that discursive thinking generates a figurative model of a communicatively significant fragment of the world picture nominated by a phraseological unit.

Keywords: phrasemosemiosis, linguistic creative thinking, perceptual world, image, discursive-modus concept.

УДК 811.16'367'42:398.9

Д. В. Андрианова, Н. Д. Игнатьева

О НЕКОТОРЫХ СЛОЖНЫХ СЛУЧАЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ ДЛЯ «АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ, УКРАИНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦ»

Аннотация. В статье представлен обзор некоторых сложных случаев, с которыми пришлось столкнуться составителям «Аксиологического словаря русских, украинских и белорусских пословиц» на этапе лексикографирования. Концепция привлечения для работы максимально полного пословичного материала, с одной стороны, позволила обеспечить высокий уровень достоверности исследования, с другой стороны, потребовала очертить границы допустимой семантической и аксиологической диффузности единиц, включаемых в рамки одной словарной статьи. Работа с трехязычным материалом выявила необходимость определить последовательность расположения пословиц разных языков, а в отдельных случаях – сделать исключения из этого порядка. Принятая составителями ориентация на структурно-семантическую модель пословиц при их группировке в рамках словарной статьи, в свою очередь, обнажила случаи аксиологической оппозиции некоторых пословичных эквивалентов.

Ключевые слова: пословица, аксиология, аксиологическая оппозиция, восточнославянские пословицы, аксиологический словарь.

«Аксиологический словарь русских, украинских и белорусских пословиц», работа над которым в настоящее время ведется группой исследователей из Санкт-Петербургского государственного университета, Псковского государственного университета, Российского государственного университета им. Герцена, Российского государственного гидрометеорологического университета, Института лингвистических исследований РАН под руководством проф. В. М. Мокиенко, ставит перед собой достаточно амбициозную цель – максимально объективно представить аксиологическую картину мира восточнославянских народов. Для нас важна и ценна мысль о том, что сегодня, как и в любые другие периоды социальной и политической турбулентности, аксиологическое единство восточнославянского языкового пространства в своей основе остается неизменным. Это единство, как представляется, обусловлено исторически и закреплено в языке, особенно в паремике. Таким образом, научная значимость составляемого словаря нам видится не в последнюю очередь в последовательном и аргументированном обширным языковым материалом представлении аксиологического единства восточнославянского языкового пространства в пословичном аспекте.

В своей работе мы ориентируемся на тезис М. М. Бахтина, утверждавшего, что «в абсолютной ценностной пустоте невозможно никакое высказывание, невозможно само сознание» [1, с. 134]. Ценности, по его мнению, имеют конвенциональный характер, т. е. с определением главных ценностей в обществе существует согласие. В пословицах положительный или отрицательный оценочный заряд, как представляется, коррелирует с соответствующей принятой обществом ценностью или антиценностью. Актуальность нашего исследования видится нам, в частности, в выявлении определенных ценностных доминант восточнославянского пословичного пространства, а также несхожих, национально маркированных элементов. Работа над Словарем позволит установить общность основных пословичных структурно-семантических моделей, отражающую и определенный аксиологический универсализм, заложенный в них общим происхождением и общечеловеческими ценностями.

Словарь будет построен на принципе дуалистических оппозиций – аксиологических диад (Богатство и бедность; Вера и религия; Война и мир; Гость и хозяин; Дружба и вражда; Жизнь и смерть; Родина и чужбина; Свобода и неволя; Труд и безделье и т. д.). Эта общая классификация семантически конкретизируется подрубриками к каждой аксиологеме соответствующей диады, например: Богатство и Бедность (Богатство, достаток; Бедность, нищета; Богач – бедняк; Деньги; Долг; Прибыль – убытки); Вера и Религия (Ад – рай; Бог – дьявол; Вера – молитва; Пост; Грех – покаяние; Церковь – духовенство) и под.

Каждый из разделов содержит макростатьи, объединяющие русские, украинские и белорусские пословицы-параллели, прежде всего, на основании их структурно-семантической, а также образной близости. Знаком тире (–) соединяются выносимые в заглавие статьи пословичные эквиваленты, далее по степени нарастания структурно-семантических различий частичные эквиваленты, которые маркируются знаками (~), (~ ~). Удаленные по своему внутреннему образу и структурной модели от первой в макростатье пословицы, но близкие ей по значению и по смыслу, приводятся в конце статьи под знаком (~ ~ ~).

Реализация разработанной словарной концепции на этапе лексикографирования материала потребовала решения ряда практических вопросов. И, как это часто бывает, конкретные примеры не всегда укладываются в стройную концепцию.

В частности, один из сложных случаев связан с необходимостью определить границы диффузности словарной статьи в той ее части, которая касается межъязыковых пословиц-аналогов. (Материалом русских пословиц послужила картотека нового издания «Большого словаря русских пословиц» [2], над которым

в настоящее время ведется работа под руководством проф. В. М. Мокиенко, поэтому в данной статье не указываются многочисленные словарные источники).

Глупого учить – что мёртвого лечить (рус); *Дурака (дураков) учить, что мёртвого лечить* (рус). – *Дурного учити, що й мертвого лічити* (укр) [3, т. 2, с. 343]; *Дурного учить – як мертвого лічити* (укр). [3, т. 2, с. 343]. ~ ~ *Глупого учить что решетом воду носить* (рус); *Дурака учить – в решете воду носить* (рус); *Мёртвого не вылечишь, а дурака не выучишь* (рус); *Дурака не научишь* (рус). ~ ~ *Мертвого не вилічити, а дурня не вивчити* (укр); *Дірявого мішка не надуєш, а дурня не навчиш* (укр) [3, т. 2, с. 343]. ~ ~ *Школа дурня не навчить* (укр) [3, т. 2, с. 343]. ~ ~ ~ *Чорт і тэй не навуча (каго-небудзь)* (бел) [4, с. 52].

Включение в словарную статью пословиц, приведенных под знаком (~ ~ ~), представляется дискуссионным, поскольку в данном случае помимо расхождения собственно синтаксической модели присутствуют некоторые различия в значении пословиц. В то же время общая смысловая и аксиологическая близость этих паремий, согласно выбранному нами подходу, позволяет в рамках данного проекта рассматривать их в пределах одной словарной статьи.

Еще один интересный случай представляют собой словарные статьи, в которых приводятся пословицы, имеющие одну структурно-семантическую модель, но противоположное значение и противоположный аксиологический заряд. Ниже рассмотрим несколько примеров.

С чужого похмелья голова не болит (рус). – *З чужого похмілля голова не болить* (укр). [3, т. 2, 442]. **Ср.** *З чужого похмілля голова болить* (укр) [3, т. 2, 442]. – *Ад чужога пахмелля галава баліць* (бел) [5, т. 2, с. 360]. В приведенной статье объединены русская, украинские и белорусская пословицы, которые являются практически полными эквивалентами по своей структуре и в то же время – аксиологическими антиподами.

Подобным образом на наличие аксиологической оппозиции указано в следующей статье: *Свет спокон веку неправдой стоит* (рус). ~ ~ *Неправда светом началась, светом и кончится* (рус). ~ ~ *Враньём люди живут* (рус). ~ ~ *Брехнею світ держиться* (укр); *Брехнею світ живе* (укр) [3, т. 2, 379]. ~ ~ ~ *Будет в поле рожь, будет и в людях ложь* (рус). *В море туманы, в мире обманы* (рус). **Ср.** *Правдой мир стоит* (рус). – *На праўдзе свет стаіць* (бел) [5, с. 432].

Менее однозначна аксиологическая противоположность пословиц в статье: *Хмель, а не вода, чоловікові біда* (укр); *Хмель – не вода, чоловіку біда* (укр) [3, т. 2, 443]. ~ ~ *Хмель не вада многа не вып'єш* (бел). [6, с. 264]. **Ср.** *Чай не водка – много не выпьешь* (рус). Если первые два из приведенных примеров (украинские) прямо порицают употребление алкоголя, белорусская пословица призывает к умеренности в употреблении спиртных напитков, в то время как русская пословица, имея тождественную белорусской пословице синтаксическую структуру, по-видимому, указывает на преимущество водки над чаем. То есть аксиологический вектор алкогольных напитков в последней пословице противоположен приведенным выше.

В объемных статьях аксиологические оппозиции могут указываться для нескольких пословиц: *Неправдой богатства не наживёшь* (рус). ~ *Хлуснёй багаты не будзеш* (бел) [5, с. 313].; *Лгарствам имат не скарыстаеш* (бел) [5, с. 313]. ~ ~ *Обманом не разбогатеешь, а обеднеешь* (рус); *Ложь что мелкая монета: на неё долго не проживёшь* (рус); *Обманом барыша не наторгуешь* (рус). **Ср.** *Обманом города берут* (рус). ~ ~ *Брехнею хліба не їсти* (укр); *Брехнею далеко не зайдеш* (укр); *Брехнею не далеко зайдеш* (укр) [3, т. 2, 379]. ~ ~ ~ *Дарам падманьвае* (бел) [5, т. 2, с. 312]. *Абманіў – то сабе горш зрабіў* (бел) [5, с. 313]. **Ср.** *Правдой жить – ничего не нажить* (рус).

Подобные случаи имеют большое значение в характеристике трехязычных аксиологических доминант и выделении пословичных уникалий. Ввиду того, что поме-

щение противоположных по смыслу пословиц в отдельные статьи не позволяет раскрыть многогранность паремий, было принято решение использовать перекрестные ссылки на статьи, содержащие противоположный аксиологический заряд, маркируя такие пословицы указателем «Ср.» (Сравните). В противном случае они бы затерялись в корпусе словаря, и не представилось бы возможности наглядно продемонстрировать широкий диапазон вариативности тех или иных паремий и их аксиологического значения.

Еще одной дилеммой, с которой столкнулись составители словаря, был порядок расположения трехязычного пословичного материала в рамках словарной статьи. Исходя из количества носителей, пользующихся языком как родным, было решено всегда в рамках принятой концепции распределения эквивалентов и аналогов первыми приводить русские, затем украинские и далее белорусские единицы. Помещение в качестве заглавной паремии всегда русских единиц позволяет логично и ясно представить материал для читателя и упростить процесс поиска в словаре. Однако при этом в случае лакunarности русского эквивалента возникала вероятность потери полных украинско-белорусских параллелей. Например, *Жениться – не лапоть надеть* (рус.) ~ ~ *Заміж вийти – не лапті сплести* (укр) [3, т. 2, 73]. ~ ~ *Замуж ісці – не лапці плясці* (бел) [5, с. 57]. Во избежание такого рода ситуаций составителями было принято решение в отдельных случаях выносить в начало макростатьи не русскую, а украинскую половицу и ее белорусский эквивалент: *Заміж вийти – не лапті сплести* (укр) [3, т. 2, 73]. – *Замуж ісці – не лапці плясці* (бел) [5, с. 57]. ~ ~ *Жениться – не лапоть надеть* (рус).

В заключение отметим, что, безусловно, приведенные в настоящей статье примеры сложностей, с которыми столкнулись составители в работе над «Аксиологическим словарем русских, украинских и белорусских пословиц», в большинстве своем лишь частные случаи, требующие дополнения к общей лексикографической концепции. Их решение опирается, с одной стороны, на цели и задачи словарного проекта, с другой стороны, требует учесть удобство пользования словарем для его целевой аудитории и, в-третьих, опирается на лексикографическую традицию. Не всегда решение таких дилемм дается легко именно потому, что иногда соблюсти все три вышеприведенных положения не представляется возможным. Так, в случае, когда заглавной оказывается не русская, а украинская половица, приоритетом становится объективность отражения в словаре всей полноты трехязычной пословичной картины. В то же время приходится смириться с тем, что это решение может доставить неудобства читателю. Это решение также идет вразрез с общепринятой лексикографической традицией. С другой стороны, включение в словарную статью пословиц-аналогов, напротив, согласуется с принятой практикой составления переводных словарей пословиц, например, в «Русско-славянском словаре пословиц с английскими соответствиями» М. Ю. Котовой. Традиция перекрестных ссылок в словарях также подсказала нам решение использования пометы «Ср.» в случаях с аксиологическими оппозициями или пословицами, имеющими расхождение в значении и оценочной характеристике того или иного феномена.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
2. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
3. Пазяк, М. М. Прислів'я та приказки / М. М. Пазяк. – Київ : «Наукова думка». – Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. – 1989. – 479 с.; Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. – 1990. – 524 с.; Т. 3. Взаємини між людьми. – 1991. – 440 с.; Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток.
4. Лапацін, Г. І. “К кождому разгавору прыказка ё...” З вопыту вывучэння дыялектнай фразеалогіі / Г. І. Лапацін // Матэрыялы да фразеалагічна-парэміялагічнага слоўніка асобы. Вар-

вара Аляксандраўна Грэцкая. Запісы 2005–2012 гг. Частка 2. На правах рукапісу. – Гомель, 2018. – 115 с.

5. Грынблат, М. Я. Прыказкі і прымаўкі. Кн. 2. / М. Я. Грынблат. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 616 с.

6. Тетрады пареміографа. Выпуск 5 : Белорусские пословичные параллели русских пословиц пареміологічнага мінімуму : учебно-методічнае пособіе для студэнтаў / под ред. М. Ю. Котовой. – СПб. : Изд-во ВВМ, 2019. – 304 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, (проект № 20-18-00091 «Мир восточных славян в пареміологічнай інтэрпрэтацыі: аксіологічныя домінанты і іх лінгвокультурографічная рэпрэзентацыя», рэалізуюмы ў Санкт-Пецярбургскім дзяржаўным універсітэце).

Abstract. The article presents an overview of some difficult cases that the compilers of the “Axiological Dictionary of Russian, Ukrainian and Belarusian Proverbs” had to face at the stage of lexicography. The concept of attracting the most complete proverbial material for the work, on the one hand, made it possible to ensure a high level of reliability of the study, on the other hand, it required delineating the boundaries of permissible semantic and axiological diffusivity of units included in the framework of a single dictionary entry. The work with the trilingual material revealed the need to determine the sequence of proverbs of different languages, and in some cases-to make exceptions from this order. The orientation adopted by the compilers to the structural and semantic model of proverbs when grouping them within a dictionary entry, in turn, exposed cases of axiological opposition of some proverbial equivalents.

Keywords: proverb, axiology, axiological opposition, East Slavic proverbs, axiological dictionary.

УДК 811.161.1'22'282.2(477.74)'373.7

Н. Г. Арефьева

ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НОСИТЕЛЕЙ РУССКИХ ГОВОРОВ ОДЕСЩИНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются фраземы, бытующие в русских говорах Одесщины и группирующиеся в рамках духовно-религиозного лингвокультурного кода. На широком языковом материале автор приходит к выводу о том, что духовно-религиозный код транслирует ставшие неотъемлемой частью традиционной народной культуры важнейшие морально-нравственные установки, прескрипции и глубинные ценности.

Ключевые слова: духовно-религиозный лингвокультурный код, фразема, русские говоры Одесщины.

Фразеология русских говоров Одесской области Украины – переселенческих, островных, южно-русских по своему происхождению, преимущественно курско-орловских – богата и разнообразна; ее национально-культурная специфика сегодня активно исследуется в аспекте лингвокультурного кодирования, см., напр.: [1; 2; 3].

Духовно-религиозный, или духовный, код, который проф. В. А. Маслова называет «одним из самых богатых и специфичных для русской культуры» [4, с. 78], получил яркое отображение во фраземике русских переселенцев, воссоздавая внутренние установки, прескрипции и ценности, на которых основывается культура носителей русских говоров Одесщины. Так, опираясь на обширный фразеологический материал, можно говорить о *богоцентричности* лингвокультурного пространства диалектоносителей, о чем свидетельствуют многочисленные фраземы с компонентом *бог* и его дериватами: *бог-бог* ‘о большом количестве чего-л.’: *Хазяїн кукòбник был, боу-боу была ф хати*